

АФОНСКИЙ ИСИХАЗМ В ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ ЧЕЛОВЕКА¹

Каково значение Святой Горы Афонской для Православия? Широкое православное сознание, а также и современная наука сегодня равным образом признают, что ключевую роль для Православия играет православная аскетическая традиция, исихазм, ибо ее принципы и установки наложили неизгладимую печать на умственный и нравственный склад православного человека, на весь внутренний мир его. Исихазм ныне признан стержнем и ядром православной духовности. Но Святая Гора Афон – древнейший центр исихазма, в течение уж многих столетий, это – главный очаг Традиции, где хранится с великим тщанием и передается с великой точностью «Умное художество» исихастской практики духовного восхождения. Афонский исихазм – ядро исихазма в целом; а по отношению ко всему Православию, православной духовной традиции, он, стало быть, оказывается *ядром ядра*. Нельзя здесь не вспомнить, что имеется даже и специальное понятие, «ядро ядра», которое вводил и рассматривал о. Павел Флоренский: с его помощью он выделял такие явления, что играют особую роль в культуре и духовной жизни, несут в себе квинтэссенцию смысла и назначения обычных явлений, «неядерных». Явления такого рода, как правило, – древнего происхождения; и афонский исихазм отнюдь не служит здесь исключением. Исихазм – древняя традиция, и афонский исихазм также ведет свою историю с древности, с 10 и даже 9 в., с подвига преп. Петра и Афанасия Афонских. Однако наша встреча и, в частности, мой доклад ставят вопрос о сегодняшней актуальности феномена Афона, роли Афона. И здесь вполне возможны сомнения. Феномены древности, насыщенные глубоким смыслом, сегодня обычно ценны нам скорей как реликвии, как часть исторического наследия и исторической памяти. И вовсе не очевидно, что они могут быть ценны и важны для современного человека не в его отношении к прошлому, а в его сегодняшней жизни и сегодняшних насущных проблемах.

Я постараюсь, тем не менее, показать, что для афонского исихазма это именно так. Сегодня афонский исихазм – не только историческое наследие Православия, но и существенный, далеко не исчерпанный ресурс православного сознания и каждого православного человека в его духовной и социальной жизни, в его поисках ответа на вызовы современности. Полвека назад, заканчивая свой фундаментальный труд о св. Григории Паламе, о. Иоанн Мейендорф писал, что в мысли святителя Григория «заложен конструктивный ответ на вызов, брошенный христианству Новым Временем»². И то, что я хотел бы сказать сейчас, – всего лишь попытка продолжить и развить это утверждение о. Иоанна: продолжить вновь через полстолетия, уже в заметно иной духовной и культурной ситуации, и притом, применительно скорей не к богословию, а к самой аскетике, к афонскому исихазму.

Особенность современных вызовов в том, что риски и опасности, которые они несут, затрагивают не только общество и его институты, но и непосредственно – личность человека в ее принципах и основаниях. Динамика современного мира отличается новыми сложными процессами, кардинально меняющими реальность. Процессы глобализации переплетаются с противостоящими им, активными антиглобалистскими настроениями и движениями; старые тренды секуляризации, всемерного вытеснения религии из публичной сферы, встречаются с новой тенденцией постсекуляризма, возвращения

¹ Пленарный доклад на Международной конференции «Вклад Афона в европейскую духовную и интеллектуальную традицию». Зальцбург (Австрия), 8-9 июля 2011 г.

² Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение. Спб., 1997. С.326.

религии в общественную жизнь и развития диалога светского и религиозного сознания. И уже является признанным, что в этой сложной и многоплановой реальности решающим уровнем служит антропологическая динамика, изменения, происходящие с человеком. Они не укладываются в представления старой науки о человеке, классической европейской антропологии Аристотеля-Декарта-Канта, и поиск новых идей, новых оснований для концепции человека становятся сегодня одной из самых насущных задач европейского разума.

Мы убедимся, что, как ни парадоксально это может звучать, но афонский исихазм способен многое дать для решения этой важной и актуальной задачи. Вспомним, прежде всего, что православное понимание человека в его сути и назначении, в его связи с Богом, в значительной мере формировалось именно в лоне исихазма. Еще в до-афонский период, который мы иногда называем в науке «исихазмом до исихазма», практика православной аскезы начала складываться в углубленное искусство самопреобразования человека, или же «практику себя», на современном философском языке. Эта аскетическая практика, однако, была уникальна среди всех практик себя – уникальна в том, что она ставила своей целью не просто преобразование, а *трансцендирование* человека, «превосхождение естества», как говорили аскеты – т.е. такое преобразование, в котором человек изменяет сам способ своего бытия, достигая соединения с Божественным бытием – обожения (*theosis*). Для этой цели оказалось необходимым глубокое и обширное познание человека, в таких его сторонах, которые оставались вне поля зрения светской науки. В исихастской практике человек предстал как центр действий и помышлений, как существо, наделенное множеством энергий разной направленности и природы (телесных, психических, интеллектуальных). Исихаст ставил задачу сознательного управления всем этим множеством – так, чтобы все составляющие его энергии переустроить в новый порядок, когда все они вместе и сообразно направляются к Богу – к встрече с Божественными энергиями, которые присутствуют и действуют в мире как Божия благодать. И опыт обнаруживал, что это полное переустройство человека как энергийного существа требует последовательности, строгого метода, и в соответствии с этим методом оно разбивается на ряд ступеней. Исихастская практика оказалась имеющей строение Лествицы, ступени которой отвечают восхождению человека от так называемых Духовных Врат, от события обращения и трудов покаяния, – через борьбу со страстями и преодоление страстей – к опыту высших ступеней, где достигается встреча с Божественными энергиями и начинаются явные изменения всего человеческого существа на подступах к обожению человека. Вся исихастская Лествица разделяется на две большие части, именуемые *Праксис* и *Феория*, то есть Деятельность и Созерцание. Их главное различие в том, что на ступенях Феории уже достигнута *синергия*: встреча и согласное соработничество человеческих и божественных энергий. За счет синергии, движущей силой духовного восхождения все более становятся Божественные энергии, которым человек сумел дать возможность действовать в себе – или, иными словами, он сумел открыть, разомкнуть себя навстречу им. С антропологической стороны, синергия предстает как событие размыкания человека навстречу Божественной энергии.

Существенно, что весь путь исихастской практики толкуется в категориях личности. В Православии, личность понимается как Ипостась, Божественное Лицо, и бытие Личности есть, соответственно, Божественное бытие. Эмпирический же человек не является личностью; но если он стремится и продвигается к соединению с Богом (и только в этом случае!) он, тем самым, получает и приобщение, причастность к Божественному бытию – становится Личностью (воипостазируется, по богословской терминологии). Т.о., исихастское восхождение к обожению имеет личностный смысл, оно представляет собой процесс обретения человеком личного бытия, практику претворения человека в Личность. Притом, этот процесс в исихазме проходит на опыте, и богатый исихастский дискурс дает его содержательное, конструктивное описание.

В итоге, отсюда можно сказать: опытная исихастская антропология несет в себе описание определенного способа, которым человек формируется, конституируется как личность. Можно пойти далее: нетрудно увидеть, что ключевой элемент этого способа конституирования, или же парадигмы конституции человека, есть синергия. В самом деле, именно с достижением синергии и благодаря ему, человек вступает на высшие ступени духовного восхождения, где действием энергий Иного Бытия в нем начинается самоорганизующееся, спонтанное строительство новых энергийных структур, которые продвигают и приближают его к личному бытию – начинается в собственном смысле конституция человека как личности. Поэтому есть основания назвать способ или парадигму антропологической конституции, реализуемую в исихастской практике, **синергийной конституцией человека**. И можно добавить, что в опытном открытии и богословском продумывании этой парадигмы конституции решающий вклад принадлежит именно афонскому исихазму. Опыт высших ступеней исихастской Лествицы оказывается в центре внимания аскетического сообщества, в первую очередь, на Афоне в период 13-14 вв., ставший ключевым и центральным периодом для всей истории исихазма. Первым вероучительным документом с оценкой этого опыта стал Святогорский Томос 1341 г., соборное изъявление позиции всего монашества Афона; и святитель Григорий Палама, создавший на базе этого опыта богословие энергий, также является несомненным представителем афонского исихазма.

Итак, мы нашли, что в исихастской антропологии заложено оригинальное решение проблемы личности, и суть его составляет реализуемая в исихастской практике парадигма синергийной конституции человека. Она отчетливо и глубоко описана самими подвижниками, от Паламы до нашего современника игумена Софрония (заметим, опять-таки принадлежащего афонской традиции). Согласно этой парадигме, человек конституируется как личность, достигая синергии, т.е. размыкая себя навстречу энергиям Божественного бытия, которое выступает в исихастском опыте как «личное бытие-общение», по формуле православного богословия. Данная парадигма радикально отличается от парадигмы конституции человека в классической европейской антропологии, согласно которой человек характеризуется неким отвлеченным понятием сущности и конституируется, актуализуя эту сущность. В силу этого, опытная антропология и персонология исихазма оказывается весьма современного типа: она принадлежит к тому же руслу неклассического и неэссенциалистского понимания человека, в котором сегодня разворачиваются поиски европейской мысли. Конечно, она занимает в этом русле очень особое место, и главные ее особенности двойки. Первая – очевидна: в исихазме создана не философская парадигма и даже не богословская концепция, а опытный, практический способ конституции человека, представленный в синтетическом дискурсе, где соединяются богословие, феноменология, психология и просто методическое руководство к антропопрактике. Вторая же особенность в том, что этот способ конституции имеет в своей основе собственный оригинальный принцип – принцип синергии. Именно этот принцип, органически принадлежащий исихастскому опыту, может, в первую очередь, рассматриваться как ценный и конструктивный вклад афонского исихазма в современный поиск новой концепции человека. В сегодняшней гуманитарной науке он привлекает к себе все большее внимание, и, как выясняется, в нем заложены мощные эвристические потенции, он открывает путь для разнообразных обобщений и приложений.

Исходя из синергийной конституции человека, строится направление синергийной антропологии, где обнаруживается целый ряд обобщений синергии как размыкания человеческого существа, и на их основе возникает весьма общая неклассическая антропологическая теория. Здесь от исихастской антропологии идут нити к новому современному образу человека как многоликого существа, которое конституируется,

размыкая себя, и может размыкать себя многоразличными способами, однако наиболее полно осуществляет себя в размыкании к Богу как Личности, в общении любви. Совсем с другой стороны, подмечаются и исследуются связи принципа синергии с синергетикой, одной из новейших дисциплин, охватывающей обширную проблематику как в естественнонаучной, так и в гуманитарной сфере. Нельзя также не отметить и постсекулярный характер современного дискурса синергии, где органически сочетаются языки религиозной практики и светской науки.

В совокупности своих значений, идейных и дискурсивных связей, синергия сегодня уже встает в ряд общих принципов, формирующих новое видение человека, общества и мира. Ровно неделю назад, в Берлине завершился Международный симпозиум «Синергия», где обсуждались многочисленные и плодотворные применения данного принципа в разных сферах современного знания. Этот факт по праву надо поставить в связь с нашей встречей: ибо он также – одно из веских свидетельств актуальности афонского исихазма в наши дни.

Можно добавить в заключение, что антропологическая тема, которую мы обсудили, – далеко не единственный пример, показывающий возможности плодотворного участия исихазма в жизни современного мира. Крупнейший исследователь исихастской аскезы, митрополит Диоклийский Каллист (Уэр) говорит, что с достижением полной зрелости в Духовном Искусстве, аскетическая традиция меняет свою стратегию: она уже не бежит и не изолируется от мира, но возвращается к нему для помощи, духовного окормления. И в своей обращенности к миру, Традиция может порождать или поддерживать многие и разные положительные явления. Несомненны ее потенции в плане психологии, возможности ее оздоравливающего влияния на психологическую атмосферу в обществе. О такой миссии исихазма нередко говорят сами современные подвижники, старцы – исихасты и России, и Греции, и других православных стран. Игумен Софроний (Сахаров) упоминает как нечто всем известное и неоспоримое, «обычное сознание святогорцев, что Афон – это большая лечебница»³. Он же говорит, что в исихастском опыте развивается «способность быстрого и тонкого проникновения в духовное состояние все возрастающего числа людей»⁴, и такая способность, несомненно, дает подвижникам возможности духовно-душевного целительного воздействия как на индивидуальном уровне, так и шире, на уровне социальном. Далее, коренные исихастские и афонские установки всеохватной любви Христовой, молитвы за весь мир, снимающей все барьеры между людьми, рождают еще новые возможности – возможности стимулирующего влияния исихазма в процессах межконфессионального диалога и диалога религий. Наконец, мы уже заметили, что исследования исихастской антропологии и принципа синергии вносят конструктивный вклад в развитие постсекулярной парадигмы, которая стремится преодолеть старую конфронтацию религиозного и секуляризованного сознания и типа культуры.

Сейчас я лишь называю весь этот спектр возможностей, он – за рамками моего доклада. Но он еще непременно будет рассмотрен в нашей сегодняшней работе, как в пленарных докладах, так и в сообщениях на Круглых столах.

Благодарю за внимание.

³ Архимандрит Софроний. Рождение в Царство Непокоримое. М., 2000. С.186.

⁴ Там же. С.175.